

рии Ярославля, вошедшие в книгу «Ярославль в его прошлом и настоящем», изданную в 1913 г., – одну из лучших краеведческих книг о городе.

И.В. Серебренников, учитель естествознания и физики, в 1910 г. вместе с петербургским микологом В.А. Тронштелем начал издавать в Ярославле описание гербария грибов России «Микотека россияка». К сожалению, издание прекратилось в связи с внезапной смертью И.В. Серебренникова в 1914 г.

Еще одним направлением просветительской деятельности педагогов института, вызванным любовью к Ярославской губернии, было сотрудничество с экскурсионной комиссией, размещавшейся в реальном училище. Большая часть преподавателей принимала участие в организации и проведении экскурсий в близлежащих городах. Нередко педагоги и воспитанники принимали экскурсантов из других мест для ознакомления их с историей города [4].

Следует особо отметить активную гражданскую позицию педагогов института и городского училища при нем в годы Первой мировой войны, когда в Ярославль на лечение прибывало большое количество воинов. Летом 1915 г. в здании института еженедельно по вторникам, средам и пятницам они вели беседы-чтения для раненых бойцов. Для них организовывались экскурсии в естественно-исторический музей. В январе-феврале 1917 г. воспитанники института обучали грамоте раненых воинов в лазарете коммерческого училища [7].

Кроме того, Ярославский учительский институт организовал вместе с другими учебными заведениями Ярославля сбор средств в фонд помощи Георгиевским кавалерам и их семьям. «Сбор выразился суммой 111 рублей 54 копейки для выдачи пособий недостаточным учащимся института и училища – детям Георгиевских кавалеров» [11].

Из приведенных материалов видно, что Ярославский учительский институт с городским училищем при нем играл огромную культурную, просветительскую роль в жизни города и не ограничивался реализацией своего основного предназначения – подготовкой учителей для высших начальных училищ, а был источником самых разных добрых начинаний в социальной сфере.

Примечания

1. ГАЯО. – Д. 15. – Л. 10-14.
2. ГАЯО. – Д. 17. – Л. 10-11.
3. Там же. – Л. 23-24.
4. ГАЯО. – Д. 70. – Л. 55.
5. ГАЯО. – Д. 80. – Л. 35-36.
6. ГАЯО. – Д. 83. – Л. 71.
7. ГАЯО. – Д. 105. – Л. 252-256, 274-275.
8. Иванов, А.Н. Становление Ярославского педагогического института и первый период его деятельности (1908-1940) [Текст] / А.Н. Иванов // Материалы по истории института. Ч. 1. – Ярославль, 1985. – С. 24.
9. Там же. – С. 25.
10. Там же. – С. 71-72.
11. Ярославский педагогический вестник. Спец. выпуск (к 90-летию ЯГПУ). – Ярославль, 1998 – № 4. – С. 15.

А.Б. ТИШКО

Общественная деятельность студенчества Ярославского педагогического института в 1920-е годы

В статье рассказывается о формах общественной деятельности студенчества Ярославского педагогического института в 20-е гг. XX века. В частности, описывается активная работа введенных советов студенческих старост, которые оказывали серьезное влияние не только на общественную деятельность в рамках института, но и на ход учебного процесса.

In the article it is said about forms of public work of students of Yaroslavl Pedagogical Institute in 20-s of the XX century. In particular, active work of the integrated councils of student's heads is described who influenced seriously not only public work within the limits of the institute, but also a course of educational process.

В ноябре 1918 г. Наркопрос принял постановление об участии студентов в управле-

нии высшими учебными заведениями. С этого момента все студенческие дела передава-

лись в ведение совета старост, избравшегося на основе прямого равного избирательного права в ходе тайного голосования. Совет старост должен был обеспечивать представительство студентов во всех органах управления высшей школой и защищать общие интересы студентов.

Студенчество активно использовало права, предоставленные ему Наркомпросом. Кроме того, активности студенческого и преподавательского состава способствовала тяга к знаниям и культуре, не только как основная черта массового сознания того времени, но и как, мы считаем, перенос революционных настроений в рамки конкретного учебного заведения, «когда даже малыши имели право голоса».

К тому же провинциальные учебные заведения дольше, чем столичные вузы, сохраняли старые академические традиции, которые приветствовались московскими профессорами. Вот как писал об этом М.П. Поливанов, работавший в 1918-1922 гг. в Ярославском университете: «Общий характер академической жизни был таков, что приезжие профессора говорили, что им приятно приезжать в Ярославль и подышать академической атмосферой. В Москве университетская жизнь уже подверглась нападкам со стороны большевиков» [1].

Студенческая активность стала проявляться во всем. Впервые в истории высшего образования появились советы студенческих старост, которые по тем временам обладали достаточно большими полномочиями и из-за чего не раз находились под угрозой ликвидации. Например, за неявку на студенческое собрание совет мог лишиться стипендии.

Деятельность такого совета в Ярославском педагогическом институте началась сразу после реорганизации учительского института в высшее учебное заведение. Отметим, что ярославское студенчество активно восприняло реформу высшего образования как рекомендацию к действию, как возможность реализовать свои пожелания в отношении работы педагогического вуза. Студенческой критике подвергалась не только в целом работа вуза, но и конкретно деятельность преподавателей.

Отметим, что в первые годы работы Ярославского педагогического института как высшего учебного заведения такая критика

отчасти была полезна. Реформа института прошла спешно и не совсем удачно, тем более что часть преподавательского состава по разным причинам отказалась продолжать работу в новом вузе, поэтому институту для организации образовательного процесса пришлось привлекать учителей из средних учебных заведений города. В результате выяснилось, что некоторые из них не имели достаточного научного багажа, а студенты в некоторых случаях владели материалом лучше, чем преподаватели. Например, лекция по истории педагогики, посвященная деятельности Руссо, Песталоцци, Гербарта, была прочитана за 35 минут [2].

Большая часть студентов вуза имела опыт педагогической работы, поэтому они считали возможным судить о недостатках и «ценности» преподавателей. Это, по мнению студенческого актива, было призвано сделать институт высшим учебным заведением с научной постановкой дела, с учетом основных требований единой трудовой школы. Работа преподавателей обсуждалась на студенческих собраниях, причем указывались не только достоинства и недостатки, но и высказывались пожелания. Приведем характеристику, данную студентами лектору А.И. Быстрову (преподавателю истории): «Считая Быстрова лектором, знающим свой курс, удовлетворяющим запросам студенчества, общее собрание предлагает ему для большего удовлетворения принять следующие пожелания студентов: 1) перенести центр тяжести в преподавании на практическую работу; 2) расширить курс до размеров вуза; 3) устраивать экскурсии с научной целью».

Однако позднее доброжелательный тон сменился открытой неприязнью к тем или иным преподавателям: «Ввиду неаккуратности посещения и видимого нежелания работать – признать лектора Кучеренко нежелательным в институте, причем предложить педагогическому совету найти ему заместителя» [3]. Критической оценке студентов подвергалась также кандидатура С.Н. Слободского, который был предложен руководством института на пост председателя правления вуза. По мнению учащихся, хотя кандидат и «обладает твердым характером и силой воли», тем не менее, он является формалистом, приверженцем старых традиций, не считается с мнением других. Все это, по мнению сту-

дентов, помешало бы развитию инициативы и творчества в вузе. То есть, по сути, для учащихся эта кандидатура ассоциировалась с дореволюционной высшей школой, со старыми порядками [4].

Студенчество старалось все больше и больше распространять свое влияние на работу института. Учащиеся включались в совет института с правом совещательного голоса, они были весьма активны при рассмотрении вопросов, касающихся обучения, состава преподавателей. В 1919 г. было подано ходатайство в Народный комиссариат просвещения о возможности участия в работе педагогического совета представителей студенчества на паритетных началах с преподавателями. В защиту этого студенческим активом выдвигались следующие аргументы:

- паритетное представительство учащихся института в совете имеет свое историческое прошлое. Оно было выдвинуто и продиктовано самой жизнью после революции, когда можно было смело приступить к строительству учебной жизни на самых широких демократических началах, что и было использовано слушателями Ярославского института;
- совместная работа преподавателей и студентов даст положительный результат как в смысле большего понимания, так и в решении неотложных вопросов, в частности участия и помощи преподавательскому персоналу в деле проведения реформы института;
- студенты института имеют опыт учительской деятельности, который, несомненно, будет иметь немаловажное значение;
- положение о единой трудовой школе предусматривало вхождение в школьный совет представителей от учащихся или самих учащихся (1/4 от общего количества школьных работников), значит, и высшая школа может воспользоваться данным правом.

Если сначала студенты не предполагали принимать каких-либо «экстравагантных» мер по отношению к преподавателям, то постепенно недовольство переросло в открытую критику учебных занятий, причем с достаточно категоричной оценкой: «истинными и единственными ценителями научного достоинства лекций являются студенты и только они» [5]. Среди основных недостатков указы-

вались: краткость лекций, отсутствие научности и глубины в курсах, трудность нахождения материала, недостаток времени для прочтения курса. Студенты даже брали на себя смелость отменять лекционные занятия. Отметим при этом, что на основе анализа архивных материалов трудно оценить объективность студенческих позиций.

Учащиеся позволяли себе говорить о «развале института», которого можно было бы избежать, сменив преподавательский состав, пересмотрев учебные планы и создав студенческое бюро по реорганизации вуза. Главным аргументом студенческих решений стало выступление в Ярославле Народного комиссара просвещения А.В. Луначарского, который заявил, что в провинции все декреты толкуются буквально, без применения собственной инициативы. Таким образом, по мнению студентов, вся внутренняя жизнь вуза должна была строиться, ориентируясь на нужды страны, а не руководствуясь «тишьей да гладью» устава.

Итак, по мнению студентов Ярославского педагогического института 20-х гг., к «развалу» вуза вело следующее: 1) оторванность работы института от жизни; 2) полное отсутствие со стороны вуза работы в низах; 3) отсутствие духа творчества; 4) неудовлетворенность преподавательскими лекциями; 5) недоработка вопросов по устройству единой трудовой школы; 6) отсутствие опытной школы как показательной, не только для города, но и области; 7) отсутствие мер для привлечения студентов к работе в институте; 8) низкая оплата работы лекторов и, как следствие, невозможность привлечения к работе высококвалифицированных работников; 9) полное отсутствие научной работы [6].

При этом выступления студентов имели реальную силу, они заставляли задуматься преподавателей о качестве учебной работы. Мнения самих педагогов разделялись, о чем свидетельствуют дискуссии, имевшие место на педагогических советах. Часть преподавателей, ссылаясь на тяжелые условия работы, не хотела мириться с правом студентов квалифицировать научное качество лекций, а тем более направлять жизнь института. Другая часть пыталась объяснить «ненормальное» положение собственной пассивностью и считала, что студенты должны говорить о недостатках. Однако администрация Ярославского

педагогического института не увлекалась идеей сотрудничества преподавателей и студентов в деле управления вузом: «педагогический совет, а не студенчество направляет жизнь института» [7].

Попытка ввести учащихся с правом голоса в педагогический совет была предпринята еще администрацией учительского института в начале 1917 г. Отметим, что слушатели института не претендовали на изменения учебных планов, методов работы. Однако из Министерства народного просвещения пришел циркуляр, подтвердивший невозможность участия слушателей в решении вопросов, касавшихся избрания преподавателей и определения их профпригодности. Министерство народного просвещения привело, на наш взгляд, совершенно справедливые доводы: «Мысль о возможности привлечения учащихся к суду над преподавателями, которые являются не только их учителями, но и воспитателями, настолько расходится с принципами педагогики, что приходится признавать недопустимость участия учащихся в педагогических советах» [8].

При всей неоднозначности отношений, которые складывались между студентами и преподавателями ЯПИ, открытого противостояния, как в столичных вузах, с отменой занятий, бойкотированием, в высших школах Верхневолжья не было.

В 1920-е гг. в Ярославском педагогическом институте был распространен лозунг, призывающий студентов умело сочетать академическую работу с общественной деятельностью. Кличку «академулак» и публичное осуждение получали от коллектива те студенты, которые замыкались в «узкую скорлупу одной учебной работы и чурались общественной». Поэтому большая часть педагогического студенчества работала в пунктах ликвидации неграмотности, брала индивидуальные обязательства по обучению грамоте, организовывала политпросвещение и передвижные лектории. Затем накопленный опыт молодые учителя использовали в своей деятельности по месту работы.

Нам хотелось бы отметить еще одну тенденцию, которая касалась студенческих настроений. В начале 1920-х гг. складывалась парадоксальная ситуация. Хотя число желающих получить высшее образование было велико, Ярославский институт народного обра-

зования «... пустует, между тем другие учебные заведения переполнены» (посещаемость в среднем 35%). Причины были не только в тяжелом материальном положении студентов, которые были вынуждены искать подработки, но и, по словам учащихся, в потере интереса к учительской профессии, «потому что учитель материально плохо обеспечен» [9].

Что же заставляло студентов поступать в педагогический вуз? Прежде всего, обеспечение учащихся продовольственными пайками и стипендиями в размере прожиточного минимума. Кроме того, педвуз рассматривался как источник получения высшего образования вообще или как трамплин для поступления в другой институт. В 1921 г. вышло Постановление коллегии Наркомпроса «Об усилении внимания к делу подготовки работников просвещения». Особое место в этом документе занимало материальное положение учащихся и преподавателей. Местным властям предписывалось по возможности создавать такие условия, которые могли бы заинтересовать педагогов и студентов [10]. Вуз стал рассматриваться как специальное педагогическое учебное заведение.

В начале 20-х гг. в учебных заведениях существовали студенческие организации – землячества, кассы взаимопомощи. По сложившейся традиции все они активно участвовали в общественной жизни вуза. Установки их были, как правило, консервативными, а нередко и открыто враждебными новым принципам руководства высшей школы. В 1926 г. при Ярославском педагогическом институте было создано Костромское землячество студентов. Однако ничего общего с оппозиционными землячествами столичных вузов оно не имело. Эта организация стала объединением студентов-землячков Костромской губернии и имела целями материальную помощь своим членам и ведение культурной работы студентов в каникулярное время. Землячество помогало студентам-костромичам адаптироваться в новых условиях. В 1928 г. по инициативе П.Н. Груздева было создано общество окончивших вуз. Целями объединения были осуществление связи с выпускниками и организация справочно-консультационной методической помощи.

Постепенно взаимоотношения студентов и преподавателей стали более организованными и целенаправленными. Представи-

тели от учащихся входили в состав совета факультета или института, а также в предметные комиссии.

Библиографический список

1. Поливанов, М.П. Наука в плену у большевиков [Текст] / М.П. Поливанов // Ярославская старина. – 1996. – Вып. 3. – С. 60.
2. ГАЯО. – Ф. – Р-2257. – О. 1. – Д. 3. – Л. 6.
3. ГАЯО. – Ф. – Р-2215. – О.1. – Д.3. – Л.9; Д.16. – Л.45.
4. РФ ГАЯО. – Ф. – Р-2215. – О.1. – Д.8. – Л.60.
5. ГАЯО. – Ф. – Р-2215. – О. 1. – Д. 8. – Л. 23.
6. РФ. ГАЯО. – Ф. – Р-2215. – О. 1. – Д. 8. – Л. 122-124.
7. РФ ГАЯО. – Р-2215. – О. 1. – Д. 8. – Л. 150.
8. ГАЯО. – Ф. – Р-2252. – О. 1. – Д. 1. – Л. 1.
9. РФ ГАЯО. – Ф. – Р-2215. – О. 1. – Д. 6. – Л. 41.
10. Угроза развитию школьного дела [Текст] // Вестник просвещения Костромского края. – 1921. – № 1. – С. 74.

Р.В. РАЗУМОВ

Малоизвестные страницы истории отечественной ономастики (филологический факультет ЯГПУ имени К.Д. Ушинского)

В статье рассматриваются малоизвестные страницы истории российской (советской) ономастики, биографий исследователей собственных имен А.М. Селищева, В.К. Чичагова, Н.А. Петровского, Г.Г. Мельниченко и др.

In the article little-known pages of the history of Russian (Soviet) onomastics, biographies of researchers of own names of A.M. Selishchev, V.K.Chichagov, N.A.Petrovsky, G.G.Melnichenko, etc. are regarded.

Одной из актуальных задач ономастики (науки о собственных именах) является создание работ, посвященных истории изучения собственных имен в нашей стране. В настоящее время учеными сделаны лишь первые попытки периодизации развития науки, описания существующих ономастических центров, научных взглядов ономастологов России и бывшего СССР. В рамках этой задачи необходимо не только рассмотрение деятельности широко известных ученых и научных школ, но и выявление малоизученных страниц отечественной ономастической науки. К числу последних относится и вопрос об исследованиях собственных имен в Ярославле, поскольку с нашим городом были связаны судьбы многих отечественных ономастологов, многие из которых работали в ЯГПУ (ЯГПИ, ЯПИ) им. К.Д. Ушинского.

В 1920-е гг. в Ярославском педагогическом институте работал известный российский лингвист и ономастолог *Афанасий Матвеевич Селищев*, автор работ «Из старой и новой топонимии» [20], «Смена фамилий и личных имен» [21], «Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ» [22] и др. Занятия со студентами в Ярославле ученый вел с 1925 по 1930 гг. В своем письме в институт в конце 1924 г. А.М. Селищев, работавший в то

время в должности профессора I Московского университета, просил предоставить ему работу по специальности и предлагал следующие курсы, которые он мог бы преподавать в институте: западнославянские языки, южнославянские языки, праславянский язык, сравнительная грамматика славянских языков, славянская лингвистическая палеонтология, введение в славянскую филологию. Кандидатура ученого устроила членов предметной комиссии вуза, и с марта 1925 г. А.М. Селищев приступил к выполнению обязанностей профессора. Из материалов личного дела, хранящегося в архиве ЯГПУ, известна тема первой лекции, прочитанной им в Ярославле: «Социальные факторы в языковой действительности». Свою работу в Ярославле ученый продолжал до апреля 1930 г., когда вследствие расстроенного здоровья и испытываемых затруднений с поездками он попросил освободить его от обязанностей преподавателя института. К сожалению, в материалах личного дела не сохранилось упоминаний о том, использовал ли он во время работы в вузе ономастический материал, то есть мы можем лишь предполагать, что подобные вопросы его уже интересовали. На это указывают следующие обстоятельства: во многих работах А.М. Селищева использовался ярославский